

**РУКОПИСНЫЕ ПАМЯТНИКИ
КАК ПРЕДПОСЫЛКИ СОЗДАНИЯ
НАЦИОНАЛЬНОЙ ПИСЬМЕННОСТИ**

Материалы межрегиональной научной конференции

28–29 февраля 2008 г

Пермь

Смирновъ И. Н. Вотяки: Историко-этнографическій очеркъ / И. Н. Смирнов (= Извѣстія Об-ва археол., ист. и этногр. при Императорскомъ Казанскомъ ун-тѣ. Т. VIII, вып. 2). Казань, 1890. 308 + [Приложение]. С.39+4.

Соч. 1775 – Сочиненія принадлежащія къ грамматикѣ вотскаго языка. Въ Санктпетербургѣ при Императорской Академіи наук 1775 г. 113 с. [В кн.: Первая научная грамматика удмуртского языка / Удм. НИИ ист., экон., лит. и языка при Сов. Мин. Удм. АССР. Ижевск: Удмуртия, 1975. 3–15 + 113 + 17 с.

Тараканов И. История удмуртской графики / И. Тараканов // Congressus Nonus Internationalis Fenno-Ugristarum 7.–13.8.2000 Tartu. Pars VI. Dissertationes sectionum: Linguistica III. Tartu, 2001. С. 297–301.

Тепляшина Т. И. Памятники удмуртской письменности XVIII века / Т. И. Тепляшина; АН СССР. Ин-т языкозн. М.: Наука, 1965. Вып. 1. 324с.

Тепляшина Т. И. Из истории удмуртской графики / Т.И. Тепляшина // Всесоюз. конф. по финно-угроведению: тезисы докл. и сообщ. / АН СССР. Ин-т языкозн.; Коми фил. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1965а. С. 111–116.

Филин Ф. П. Истоки и судьбы русского литературного языка / Ф. П. Филин; АН СССР. Ин-т языкозн. М.: Наука, 1981. 328 с.

Aminoff T. G. Wotjakilaisia kielinäytteitä / T. G. Aminoff // JSFOu. 1886. I. S. 32–55.

Munkácsi B. Votják nyelvmutatványok / B. Munkácsi // NyK. 1883. XVII. 247–302 old.

Munkácsi B. Votják népköltészetі hagyományok / B. Munkácsi. Budapest, 1887. 335 1.

Strahlenberg Ph. J. Das Nord- und Ostliche Theil von Europa und Asia, In so weit solches Das ganze Russische Reich mit Siberien und den grossen Tataren in sich begreifet... / Ph. J. Strahlenberg. Stokholm, 1730. 431 S.

Wichmann Y. Wotjakische Sprachproben I: Lieder, Gebete und Zaubersprüche / Y. Wichmann. Helsingfors, 1893. XX + 200 S.

Wichmann Y. Wotjakische Sprachproben II: Sprichwörter, Rätsel, Märchen, Sagen und Erzählungen / Y. Wichmann. Helsingfors, 1901. IV + 200S.

Wichmann 1987 – Wotjakischer Wortschatz. Aufgezeichnet von Yrjö Wichmann. Bearbeitet von T. E. Uotila und Mikko Korhonen. Herausgegeben von Mikko Korhonen / Y. Wichmann. Helsinki, 1987 (LSFU). XXIII + 421 S.

Е. Н. Полякова (г. Пермь)

Коми-пермяцкие материалы в рукописных пермских памятниках ХУІ–ХУІІІ вв.*

Пермский край, как другие территории России, в разные эпохи был местом соприкосновения и взаимодействия различных народов и разных генетически не связанных языков: финно-угорских, тюркских, индоевропейских и других. Об этом свидетельствуют материалы археологических раскопок и лингвистические данные: лексика и ономастика. Они говорят о том, что прародина коми-пермяцкой народности находилась в Среднем и Верхнем Прикамье, здесь формировались ее язык и культура. Сложившаяся здесь топонимия с коми формантами (-ва, -шор, -дор, -кар, -горт и др.) позволяет очертить эту территорию, хотя ее границы несколько размыты в результате воздействия угорских, тюркских и других языков.

Письменные свидетельства об этой территории появляются относительно поздно. В самых ранних материалах, а именно на картах XV–XVII вв., Верхнее и Среднее Прикамье практически вообще не представлено. Белым пятном показана эта территория на карте Московии Антония Вида–И. В. Ляцкого 1542–1555 гг., на которой отмечено лишь нижнее течение Камы от Волги до Вятки и немного выше Вятки [Рыбаков 1974: 12–13]. На карте Антония Дженкинсона 1562 г. также прорисовано только нижнее течение Камы, а Пермь Великая (т. е. Чердынская земля в Верхнем Прикамье) показана вообще на Вычегде [там же: 27]. Больше сведений о Прикамье на карте Московии Гесселя Герритса 1613 г. (чертеж

© Полякова Е.Н., 2008

* Работа выполнена при финансовой поддержке грантов РГНФ № 08-04-82404 а/У «Отражение истории и культуры в лексике и ономастике Пермского края», № 08-04-82410 а/У «Лексика русских говоров Северного Прикамья», № 08-04-82408 а/У «Взаимодействие русских и коми-пермяцких говоров Пермского края» и гранта АВЦП РНП 2.1.3.3440 «Развитие научного потенциала высшей школы».

царевича Федора Годунова), где даны притоки Нижней Камы и поселения Вятка и Уфа, нет, но к северу до Вычегды тоже нет сведений о Верхней и Средней Каме [там же: 58–59]. И только на карте Московии Гийома Делиля 1706 г. показаны многие притоки Камы и населенные пункты Слудка, Орел, Кайгород на Верхней Каме, а также Пермь Великая. Вместе с тем карта очень условна, многое на ней весьма смещено [там же: 90].

Более подробные сведения о Прикамье содержат русские деловые памятники разных видов (жанров) с XVI в.: первоначально это документы именитых людей Строгановых (с 1558 г.) и писцовая книга по Пермь Великой Ивана Яхонтова 1579 г. Изучены сотни больших и малых рукописных деловых текстов, составленных в Пермском крае в XVI–начале XVIII в. В писцовых и переписных книгах, административно-юридических и имущественных актах содержатся ценные сведения о языке, материальной и духовной культуре жителей края, о связях их с другими территориями России, об истории и географии бассейна Верхней и Средней Камы. Из них можно получить данные о местах проживания коми-пермяков, об употреблении ими только своего языка. В актах отмечается деятельность толмачей (переводчиков) и фиксируются такие тексты, как «по-русски мы не розумеем, а толмач у нас был» [СПП 5: 24] или «к государеву медному и рудному делу дают людей бедных и худых деревенских пашенных крестьян пермяков, иныя мало и по-русски говорят» [СПП 4: 32].

Есть сложности в выявлении в русских деловых памятниках национальности и родного языка человека, о котором идет речь. Коми-пермяки рано приняли православие, получили календарные христианские имена (обычно по русскому образцу), и только по прозвищу или фамилии из прозвища можно определить, что они или их предки являются коми-пермяками. В документах, которые дошли до нас от XVI – начала XVIII в., при записи пашенных и беспашенных (т. е. занимающихся каким-либо ремеслом) крестьян обычно не указывалась, к какой народности они

относятся. Но когда писали о мусульманах (татарах, башкирах) или сторонниках еще какой-либо религии, плативших ясак, то в деловых документах отмечалась их национальность: «Шаквинский татарин Багиш Яргин» [СИ: 453], «Вишерский вогул Айдар Сангилков» [там же: 452].

Следует отметить, что и взаимодействие русской и коми-пермяцкой культуры и языка шло более активно, чем взаимодействие русской и тюркской культуры и языков, обусловленное существенными различиями в укладе жизни и в религии. Тюркские слова проникали в русскую письменность обычно тогда, когда описывались предметы, принадлежавшие татарам или башкирам, ср. употребление названия татарского женского головного убора *кашпол*: «Грабежом взяли у жены ево 3 головы кашпол, на том кашполе денег старых было шесть рублей с полтиной да 4 пуговицы серебряны» [СПП 2: 150].

Коми лексика активно проникала в складывавшиеся русские говоры Верхнего Прикамья, где подвергалась фонетической и морфологической адаптации к русскому языку. Это связано с особой исторической обстановкой на Верхней Каме. Проникновение русских в Пермский край шло с Русского Севера (современные Архангельская и Вологодская области) через территорию проживания коми-зырян (ныне Республика Коми). Особенно бурно этот процесс шел в XVII вв. Коми-пермяцкий и коми-зырянский языки и сейчас очень близки, а в тот период сходство их было еще большим. Многие русские, пришедшие на Верхнюю Каму, могли познакомиться с коми языком еще в бассейне Вычегды? через которую шел путь в Прикамье. На Каме и ее притоках они оказывались близкими соседями коми-пермяков, нередко брали жен из коми-пермяцких семей (а дети усваивали фонетику материнской речи), что привело к сильному коми воздействию на русский язык. У многих носителей русских чердынских говоров до сих пор сохраняется произношение среднего *l* (*была Молотовская область, село, колхоз*) и других коми-пермяцких особенностей.

Русские памятники письменности XVI-XVII вв. относительно слабо отражают особенности коми-пермяцкой фонетики того времени, но в них попадала бытовая местная коми лексика, ср.: «Несла челпан хлеба... Взял два челпана хлеба» [СПП 6: 106]. Заимствованные русскими в ту эпоху слова обычно отмечаются и в коми-пермяцком, и в коми-зырянском языках и, как правило, имеют прапермскую основу, ср.: *чёлпан* 'ломтик, кружок (овощей, плода)' [ЭСКЯ: 311], *човпан* 'каравай' [ПРС: 540], *чёлпан* 'коврига, каравай' [ССКЗД: 417].

Данные коми-пермяцкого и коми-зырянского языков позволяют уточнить происхождение значений некоторых слов русских документов Прикамья XVII в. Например, в русских говорах XIX в. (пермских и сибирских) отмечалось слово *шоромы* 'козлы из жердей для сушки гороха' [Даль 4: 642]. Слова *шером* и *шором* зафиксированы и в пермских памятниках XVII в., но употреблялись в них в ином значении: «Тот хлеб своим небрежением скотом не стравить и в суслонах и в шоромах не згноить и около шоромов огородить накрепко», «О досмотре на закладной ево Васькине земле хлеба в шероме» [СПП 6: 125]. В современных коми-пермяцких говорах *шёрём* – 'ломоть' [КПРС: 568], в коми-зырянских – 'отрезанный ломоть, кусок (хлеба)' [ССКЗД: 435]. Полагают, что слово *шёрём* образовано от глагола *шёравны* 'нарезать хлеб', 'кроить, выкроить' и восходит к общепермской основе **šör* 'резать, кроить' [КЭСКЯ: 322].

Таким образом, значение коми и русского слова *шором* / *шоромы* изначально было связано с представлением о хлебе, о его хранении, оно отражается в раннем значении слова в русских говорах, сохранившемся на Урале в настоящее время: в Соликамских, свердловских говорах одно из значений – 'большая укладка снопов хлеба; долгая кладь хлеба' [СПП 2: 558; СРГСУ: 7, 46]. Отмечаемое же в XIX–XX вв. значение 'козлы из жердей для просушки гороха' является более поздним, вторичным.

Коми лексика содержится только в отдельных русских документах и нередко употребляется одновременно с русскими синонимами. Так,

наряду со словом *серьги* в чердынских расписных списках XVII в. встречается его синоним *пелькищи* (из коми-пермяцких слов *пель* – 'ухо', *кытши* – 'кольцо'): «Судное дело... за украденные пелькиши и за котел» [СПП 4: 16]. Однако составители документов по-разному передавали сочетание звуков Т и Ш, которые в русском языке образовывали аффрикату Ч. В другом деле это слово выглядит уже иначе – *пелькищи*: «Пелькиши серебряные в дватцати алтынех» [там же].

Коми заимствованием в русском языке является слово *бус*. В пермских памятниках оно фиксируется в значении 'мучная пыль': «Привели в чердынскую приказную избу...с поличным з бусом хлебным Офонку до Пантелейка Розепиных», «Привод...с покраденным хлебным бусом чердынца Петрушки Игумнова» [СПП 1: 59]. Исследование судьбы этого слова в русском языке [Архипенкова 2007] свидетельствует о заимствовании его из пермских языков. Вместе с тем общепермское **bis*-восходит к тюркским языкам [КЭСКЯ: 43], далее в нем развилась семантика 'пыль, копать' в коми языках [Рогов: 16; КПРС: 47; КЯД: 92; ССКЗД: 31] 'туман, дымка, пар' в удмуртском языке [УРС: 35]. Из коми и удмуртского языков слово *бус* в разных значениях пришло в русские говоры [ФУЗС: 43], в частности в чердынские.

В документах чердынского погоста Цидвы 1644-1645 гг. в качестве названия меры сыпучих тел, меры зерна употребляется слово *позмог*: "Пшеницы семенные шесть позмог ... взяти муки пшеничные позмог ... ржи три позмоги, да хмелю полбезмена, да ячменю позмог" [СПП 4: 82]. Это слово не встретилось в словарях и исследованиях пермских языков и русских говоров, но отмечено в русских деловых текстах 1605 г.: «Собрали крупы и толокна ... обоего пополам в вес в государев в железной позмог ... Муки и крупы и толокна в вес в государев железной позмог в пять пуд» [СлРЯ XI-XVII вв. 16: 118]. В словаре нет указания на место, где сделана эта запись. Полагаем, скорее всего – в документах

Нос'. Действительно, в 1579 г. в писцовой книге Ивана Яхонтова записан житель деревни Нырыб Иванко Нос, основатель фамилии Носовых, существующей там до сих пор. В записи XVI в. сохраняется без перевода коми топоним (Нырыб), но коми антропоним (Ныр) переведен на русский язык (Нос), возможно, под влиянием русского православного имени.

Аналогичная ситуация отмечалась в 1623 г. в другом населенном пункте: «Чердынского погоста Косы, Ныров тож, на реке Косе крестьянин Носко Федоров» [СИ: 296]. Коми корень (*Ныр-*) сохранен в топониме, но переведен в имени (Нос-).

Тем не менее в пермских памятниках зафиксированы многие некалендарные (дохристианские) коми имена, полностью совпадавшие со словами нарицательными: «Крестьянин погоста Янидор Зиб Крутцов» – имя от слова *зиб* 'шест' [КЭСКЯ: 105; Fokos-Fuchs 2: 1281]; «Крестьянин деревни [Fokos-Fuchs 2: 1213]; «Крестьянин д. Ужвинская Кычан Иванов» – от *кычан* 'щенок' [КПРС: 216].

От коми апеллятивов образованы и многочисленные прозвища: «Крестьянин починка Губдор Левка Куш» – от *куш* 'голый, лысый' [КЭСКЯ: 148; КПРС: 206], «Житель слободки Яйва Ивашка Захаров сын Кушпель» – от *куш* 'голый, лысый' и *пель* 'ухо' [КПРС: 206, 329], «Крестьянин деревни Новое Сельцо Ивашка Яковлев сын Ляб» – от *ляб* 'слабосильный, невыносливый' [КЭСКЯ: 165] 'чувствительный, слезливый' [ССКЗД: 212], «Житель деревни Сергиев Камень Тимошка Алексеев сын Туйс» – от *туйс* 'береста' [КЭСКЯ: 285], 'туес, бурак' [СКЗД: 380].

Еще больше в пермских памятниках фамилий от коми-пермяцкой лексики, например: Бугуев (*бугуй* 'филин'), Варышев (*варыш* 'ястреб'), Гачев (*гач* 'бобр'), Гудырев (*гудыр* 'пасмурный'), Жебов (*жеб* 'дряхлый'), Жулимов (*жулим* 'вялый'), Жунев (*окунь* 'снегирь'), Зеров (*дзер* 'сердитый'), Кокташев (*кокташ* 'хромой') и многие другие (см.: [СПФ]).

В ранний период фиксации антропонимы, образованные от коми апеллятивов, обычно отмечались в тех населенных пунктах, которые имели коми названия: погост *Янидор* (*Зиб* Крутцов), погост *Губдор* (*Левка Куш*, Михалко *Ратегов*), погост *Цыдва* (*Гаврило Чукарев*), погост *Кольчуг* (*Омелько Жунегов*), деревня *Искор* (*Игнашка Кыров*), деревня *Верхний Шакиер* (*Бориско Кучев*) [Теплоухов 1925; Кривошекова-Гантман 1973: 76–86]. Но постепенно в связи с миграцией населения внутри пермской территории фамилии с коми основами распространились по всему Прикамью и вышли за его пределы. В настоящее время они составляют значительную часть фамилий людей разных национальностей, особенно русских, живущих в Пермской области.

Следы не только коми-пермяцкой, но и коми-зырянской лексики в Верхнем Прикамье позволяют говорить и о связях русских с коми-зырянами вне Прикамья, и об очень большой близости этих двух пермских языков в исследуемый период. Возможно, лексемы, отмечаемые в современных исследованиях, словарях, картотеках лишь как коми-зырянские, существовали в XVI–XVIII вв. и в коми-пермяцких говорах, а затем или исчезли в процессе развития языка, или еще употребляются где-либо в живой речи, но не попали в материалы ученых. Для обнаружения их целесообразно параллельно искать такую лексику в современной живой коми-пермяцкой речи и расширять круг русских памятников письменности Прикамья, в которых безусловно окажутся слова нарицательные и имена собственные коми происхождения.

В настоящее время рассмотрена коми лексика и ономастика только части пермских рукописей XVI – начала XVII вв. (до 1710 г.) разных жанров. Материал многих русских текстов Пермского края этого периода еще не попал в поле зрения лингвистов, так как необходимые для анализа рукописи хранятся преимущественно в Российском государственном архиве древних актов (в Москве) и исследовать весь материал (например, фонд Строгановых, № 1278) можно практически только там.